

ИСТОРИЯ МОЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Алёна Зорина

Алёна Зорина

История моего исчезновения

«Издательские решения»

Зорина А.

История моего исчезновения / А. Зорина — «Издательские решения»,

Наталья — обычная женщина, чья жизнь превратилась в бесконечный цикл из варки супа, поиска потерянных носков и родительских чатов. Когда чувство невидимости становится невыносимым, она решается на отчаянный шаг: бросает всё и уезжает на неделю в глухую деревню, чтобы просто побыть в тишине и наконец начать писать свою книгу. История о том, как далеко может зайти женщина в поисках самой себя, и о цене, которую приходится платить за право быть услышанной.

© Зорина А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пар	6
Глава 2. Юля	8
Глава 3. Решение	10
Глава 4. Отъезд	12
Глава 5. Прибытие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

История моего исчезновения

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0071-0908-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пар

Я стояла над кастрюлей, и пар бил мне в лицо так, будто хотел оттолкнуть от плиты. Он был густой, влажный, пахнувший картошкой и дешёвым куриным бульоном из кубика. Я смотрела в этот пар и вдруг подумала: если наклониться ниже и просто не выпрямляться, через сколько минут кто-нибудь заметит, что меня нет?

Не в смысле совсем нет. Не умерла, не исчезла. А просто — выпала. Как ложка падает за плиту, и сначала никто не слышит.

— Мам, вай-фай опять тупит! — крикнула из комнаты Алина.

— Где второй носок? — почти одновременно крикнула Полина.

Я закрыла кастрюлю крышкой, вытерла руки о полотенце, пошла искать носок, по пути ответила про вай-фай, перезагрузила роутер, задела плечом сушилку, подняла упавшую футболку, вернулась к кастрюле, посолила, помешала, достала тарелки, заметила на столе крошки, смела их ладонью, вспомнила, что не вытащила мясо из морозилки на завтра, и в этот момент поняла, что весь мой день состоит из таких движений — мелких, бессмысленно точных, необходимых всем, кроме меня.

Будильник. Завтрак. Собрать младшую. Напомнить старшей. Проводить. Уборка. Магазин. Обед. Посуда. Забрать. Уроки. Ужин. Посуда. Душ. Сон. Повтор.

Иногда мне казалось, что если однажды я не встану, всё равно всё как-нибудь случится. Не так гладко, не вовремя, с недовольством и упрёками, но случится. И, может быть, это было самое обидное. Я столько лет держала на себе этот дом, а он, наверное, мог прожить и без меня. Скрипя, с перебоями, но мог.

Кости ещё не было. Он задерживался на работе или, как он сам говорил, «по делам». Но его всё равно было слишком много на кухне. Куртка висела на спинке стула, хотя у нас есть вешалка в коридоре. На подоконнике стояла кружка с засохшим чайным ободком. От пепельницы на балконе тянуло старым сигаретным дымом, хотя балкон был закрыт.

Удивительная вещь: человека может не быть рядом, а от него всё равно некуда деться.

— Мам, ну где он? — Полина уже стояла в дверях, в одном носке, с растрёпанной косой.

— В комоде смотрела?

— Смотрела.

— Под кроватью?

— Не-е-ет.

— Значит, под кроватью.

Она убежала, а я на секунду прислонилась ладонями к столешнице и закрыла глаза.

Иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь спросил не «что на ужин?» и не «ты не видела мой зарядник?», а что-то совсем другое. Например: тебе тяжело? Или: ты вообще как? Или хотя бы: ты с утра садишься сегодня?

Но таких вопросов в нашем доме не задавали. В нашем доме всё держалось на том, что я всегда была в состоянии продолжать.

Единственное, что принадлежало только мне, лежало за шторой на подоконнике. Обычная тетрадь в клетку, с мягкой синей обложкой, чуть выгнутой от влажности. Если не знать, куда смотреть, её не видно. Ночью, когда все ложились, я доставала её и писала. Не роман, не рассказы даже. Просто куски чужих разговоров, которые придумывала сама. Какие-то сцены. Фразы. Сны. Иногда — одно предложение на целую страницу. Иногда список слов, которые мне нравились: «сквозняк», «чугун», «морошка», «пустошь». Это было смешно, почти стыдно. Как тайно курить в тридцать пять лет за гаражами.

Этот файл я тоже начала на кухне. Ночью, когда холодильник гудел так громко, будто жаловался на жизнь вместе со мной. Я открыла ноутбук просто чтобы выговориться. Напечатать хоть что-то своё, не для школы, не для чатов, не для списка покупок.

Глава 2. Юля

По ночам за экраном ноутбука у меня было ощущение, что мир чуть шире, чем наша кухня, стиральная машина и группа родителей в мессенджере. Костя храпел. Девочки спали. Я сидела в темноте, подсвеченная ноутбуком или телефоном, и листала всё подряд, как будто искала не информацию, а лазейку.

Я уже не помню, как именно наткнулась на Юлю Сомову. Наверное, как всегда: одна ссылка вела к другой, кто-то в комментариях написал фамилию, я открыла, отложила, вернулась. Так обычно и начинаются вещи, которые потом не отпускают.

Юле было тридцать два.

Я запомнила возраст сразу. Потому что это был не возраст «девочки» из новостей и не возраст «женщины преклонных лет». Обычный возраст. Когда ещё не старость, но и не аванс. Когда у тебя, скорее всего, есть зубная щётка в стаканчике, список покупок в заметках и люди, которые привыкли, что ты на месте.

В районной газете, в архивной заметке, было написано сухо и нелепо: «Пропала жительница города N Юлия Сомова, 32 года. Ушла пешком по лесной тропе в сторону дачного посёлка, местонахождение неизвестно». Ниже — фотографии волонтеров, размазанные сапоги, лента через кусты. И фраза: «Поиски результатов не дали».

Потом я нашла ещё. Старые посты в местных группах. Разные даты. Один и тот же портрет — тёмные волосы в хвосте, сероватая толстовка, усталые глаза. Не красивые, не яркие, не «особые». Обычное лицо женщины, которую в магазине не запоминают через пять минут после того, как она расплатилась.

Я смотрела на её фотографию и чувствовала что-то неприятное, почти стыдное: узнавание.

Не внешнее. Я на неё совсем не похожа. У меня светлее волосы, другое лицо. Но в ней было то, что я знала слишком хорошо. Какая-то привычка занимать поменьше места. Вид у человека, который не рассчитывает, что его будут долго искать.

Под одной из публикаций спорили, как всегда.

«Сама ушла». «У нас там бурелом, могла и заблудиться». «Кто-то знает, да молчит». «Не раздувайте, если бы криминал — давно бы нашли». «А помните, лет десять назад тоже кто-то пропадал?»

Вот из-за этой фразы я и полезла дальше. Лет десять назад оказалось не десять. Почти тринадцать.

Старый заброшенный форум, где дизайн был как из двухтысячных и половина ссылок не открывалась, выдал мне один короткий пост. Кто-то под ником leshiy_74 написал, что в начале нулевых в том же районе тоже пропала женщина. Тоже шла по тропе. Тоже без следов. Дальше ничего не было. Ни имени, ни даты, ни продолжения. Этот пользователь больше вообще ничего не писал.

Но у меня внутри уже щёлкнуло.

Я открыла заметки, потом тетрадь, потом снова заметки, потому что ручка не писала, потом расписала на полях газеты по месяцам, сколько лет прошло между одним исчезновением и другим. А потом ещё раз, чтобы убедиться, что не ошиблась.

Ровно тринадцать лет. Я записала это в тетрадь отдельно, в рамке.¹³

Нелепо было так возбуждаться из-за одного числа. У меня на плите пригорал суп, у Алины были контрольные, у Полины опять болело горло по утрам, а я сидела ночью с телефоном и чувствовала то, чего не чувствовала очень давно, — интерес.

Не к новой сковородке. Не к сериалу на фоне глажки. Не к чужой красиво организованной жизни в соцсетях.

Настоящий, живой интерес. Как будто под обычным линолеумом моей жизни вдруг проступила щель, и из неё потянуло воздухом.

Я снова открыла фотографию Юли. Обычное лицо. Тёмные волосы. Усталые глаза. Я почему-то подумала: если бы пропала я, под моей фотографией тоже писали бы «сама ушла».

Глава 3. Решение

Объявление я увидела в местной группе, где обычно продавали рассаду, старые холодильники и щенков «почти лайка». Там было написано коротко: «Сдаётся домик у леса. Тихо, недорого. Для спокойного отдыха. Недалеко от посёлка Берёзовка».

Я сразу узнала район.

Сначала даже не по названию, а по фотографии. Серый забор, кривая грунтовка, линия леса за домами. Потом полезла в карту и убедилась. Да, тот самый район. Там, где был дачный посёлок. Там, где шла лесная тропа. Там, где исчезла Юля.

Я сидела с телефоном в руке и понимала, что уже всё решила, хотя ещё ничего не сказала.

Конечно, я придумала себе красивую версию. Что мне нужно отдохнуть. Что я устала. Что хочу побыть одна. Что давно пора начать писать не в тетрадку урывками, а всерьёз. Всё это было правдой. Но не всей.

На самом деле мне нужно было оказаться там.

Не потому, что я вообразила себя сыщиком. И не потому, что собиралась кого-то разоблачать. Просто некоторые истории цепляются за тебя так, будто знают о тебе больше, чем ты сам. История Юли стала такой.

Косте я сказала не сразу. Сначала просто ходила с этим решением внутри, как с температурой: вроде ещё можно делать вид, что всё нормально, но уже знобит.

Потом выбрала вечер, когда девочки были заняты уроками, а он пришёл более-менее не злой, и сказала:

— Я хочу на неделю уехать.

Он даже не сразу понял.

— Куда?

— Просто. Снять домик. Побыть одной.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который внезапно заговорил на иностранном языке.

— В смысле одной?

— В прямом.

— Зачем?

Вот этот вопрос он задал с искренним удивлением. Не с агрессией, не с насмешкой. Именно с удивлением. Будто у желания побыть одной должна быть уважительная причина, справка, печать.

— Устала, — сказала я. — Хочу подумать. Отдохнуть.

— От чего ты устала? — спросил он и тут же, видимо поняв, как это звучит, добавил: — Ну, я не в том смысле. Просто... Наташ, зачем тебе куда-то ехать? Отдыхай дома.

Я чуть не засмеялась. Отдыхай дома. Как будто дома можно лечь на дно и тебя не найдут через три минуты с вопросом, где чистые полотенца.

— Дома я не отдохну, — сказала я.

Он пожал плечами.

— Ну хорошо, а девочки? Школа? Кружки?

— Неделю вы проживёте.

Он помолчал, потом сказал:

— Ты что, обиделась на что-то?

Это тоже было знакомо. Любое моё желание, которое не помещалось в привычный порядок вещей, автоматически считалось обидой, капризом или гормонами. Желание как самостоятельная причина не рассматривалось.

— Нет, — сказала я. — Я не обиделась. Я хочу уехать на неделю. Всё.

Он хмыкнул.

— И что ты там будешь делать?

Я запнулась на секунду, хотя знала ответ.

— Может, писать.

Он посмотрел на меня. Потом отвёл глаза. Потом снова посмотрел.

— Писать? Наташ, ну...

Вот это «ну» было хуже любого прямого отказа. В нём помещалось всё сразу: ну что за глупости, ну когда ты успела это придумать, ну кому это надо, ну какая из тебя писательница.

Я почувствовала, как внутри поднимается старая, привычная волна — отступить, сгладить, сказать «ладно, забудь». Но в этот раз не отступила.

— Да, писать, — сказала я. — И просто побыть одна.

Он начал спорить. Не резко, а вязко, как спорят про ремонт или покупку стиральной машины. Неделю. Это дорого. Это странно. Это неудобно. Это не ко времени. Это что, кризис? Я отвечала. Тоже не резко. Просто повторяла одно и то же. Неделю. Я хочу поехать. Я всё уже нашла. Я поеду.

Так продолжалось несколько дней. Не беспрерывно, конечно. Между этими разговорами были котлеты, уроки, стирка, счета, чьи-то недосушенные кроссовки на батарее. Но решение уже лежало между нами, и его нельзя было убрать со стола.

На пятый или шестой день он вдруг сказал:

— Ладно. Езжай, если тебе так надо.

Без тепла. Без понимания. Скорее как человек, который устал толкать шкаф и решил, что пусть стоит криво.

И всё же это было согласие.

Впервые за много лет я не отступила. И от этого мне стало одновременно легче и страшнее.

Глава 4. Отъезд

Вещей оказалось удивительно мало.

Одна сумка. Ноутбук. Зарядка. Тетрадь. Две книги, которые я всё равно почти не открывала. Джинсы, свитер, футболки, бельё, тёплые носки. Щётка, шампунь, крем для рук. Минимум.

Я специально не взяла ничего домашнего. Ни любимую кружку. Ни старый плед. Ни фотографию девочек. Ни даже привычную резинку для волос с треснувшим пластиковым шариком, которая всегда лежала у зеркала. Мне почему-то было важно уехать не только телом, но и оставить дома весь этот шлейф вещей, которые незаметно приковывают тебя к одной и той же роли.

Костя утром ходил по квартире с видом человека, которого поставили перед свершившимся фактом и который решил держаться достойно. Он даже не ворчал. Только несколько раз спросил:

— Всё взяла?

Будто надеялся, что я в последний момент обнаружу что-то забытое и это станет причиной остаться.

Алина сонно поцеловала меня в щёку и сказала:

— Ну ты там хоть фотки делай.

Ей было пятнадцать, и она уже умела прятать чувства в интонацию лучше взрослых.

Полина обняла меня крепко, обеими руками, уткнулась носом мне в куртку и спросила:

— Мам, ты вернёшься?

Я помню, как у меня внутри что-то дёрнулось. Так сильно, что на секунду стало трудно дышать.

— Конечно, — сказала я слишком быстро. — Господи, Полин. Я же не навсегда.

Она кивнула, но не сразу отпустила.

В автобусе меня накрыло только тогда, когда город начал расползаться за окном в серые окраины, склады, шиномонтажки и некрашенные заборы. До этого всё было как сборы в лагерь кому-то другому: проверить билет, поправить сумку, написать в чат «доехала до вокзала», купить воду и на автостанции — хлеб, сыр, яйца, бутылку вина на первые дни.

А потом оказалось, что я действительно уехала.

Я сидела у окна, держала ладонь на сумке с ноутбуком и испытывала два чувства сразу, которые плохо уживаются вместе: вину и облегчение.

Вина была понятная. Я оставила дом на Костю. Оставила девочек. Уехала «по своим делам», как будто имела право на дела, которые никому больше не нужны. Мне казалось, что я совершаю что-то эгоистичное, почти неприличное.

Облегчение было тише, но сильнее. Оно не прыгало, не радовалось. Просто разжималось внутри по миллиметру. Никто не должен был сейчас спрашивать, купила ли я молоко. Никто не мог позвонить и сказать, что у нас закончилась туалетная бумага. Никто не крикнет из комнаты, что интернет опять пропал.

Когда автобус свернул с трассы, связь стала хуже. Дома, поля, мокрые остановки, редкие люди у обочины. Потом меня высадили на повороте, где не было почти ничего, кроме облезлого щита с рекламой пластиковых окон. Дальше была попутка — старенькая «Нива» с молчаливым водителем, пахнущая бензином и собакой.

Потом — пешком.

И с каждым шагом чувство, что я делаю что-то необратимое, становилось яснее.

Глава 5. Прибытие

Дорога до домика заняла почти весь день, хотя по километрам, наверное, было не так уж далеко. Автобус. Ожидание. Попутка. Потом грунтовка, по которой пришлось идти с сумкой, оттягивающей плечо, и всё время казалось, что вот сейчас пойдёт дождь. Но дождь так и не пошёл.

Домик стоял чуть в стороне от остальных, почти у самой линии леса. Старый, деревянный, с покосившимся крыльцом и зелёной краской на ставнях, выцветшей до такого цвета, который бывает у озёрной воды в пасмурный день. Крыша местами поржавела. У забора росла высокая мокрая трава. Калитка скрипнула, когда я толкнула её плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.